

Алия Амирханова

Месть психиатра

16+

Алия Амирханова
Местъ психиатра

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Алия Амирханова

Месть психиатра / Алия Амирханова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Четверо молодых парней - друзей “повязали” себя некой игрой под названием “рулетка”. На кон поставили свои жизни. Для чего они это сделали? И вообще, для чего мы живём? Есть ли у нас ответственность перед потомками или мы вправе прожигать свою жизнь как нам вздумается? Что правит миром, в котором мы живём? Деньги? Слава? Что значит жить правильно? Балансировать на грани жизни и смерти, вседозволенности или затаиться и не высываться? Жить без желаний, без мечты, без надежд, а значит и без потерь? Каждый из героев этой книги по-своему ищет ответы на эти вопросы и каждый находит свой ответ.

© Алия Амирханова, 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com> по лицензии [Pixabay License](#) (Бесплатно для коммерческого использования. Указание авторства не требуется). Ссылка на изображение: pixabay.com/ru/photos/потеряли-места-старый-распад-1549096/

*Только действия человека говорят о его личности
и его отношении к вам.*

Не верьте словам.

Просто наблюдайте.

И вы увидите истину.

Бернард Шоу

Пролог

Они приехали в Италию, чтобы посмотреть на вулкан Этна. Николай неплохо владел итальянским, и жильё в Катании арендовали без проблем. Это была большая трёхкомнатная квартира. Хозяева сдали им одну комнату с четырьмя кроватями. Их было ровно столько – двадцатипятилетних друзей -парней, решивших добраться до вулкана самостоятельно, с минимальными денежными затратами. В остальных комнатах жили сами хозяева, интеллигентная семья из трёх человек: отец семейства сеньор Антонио, его жена и дочь – красавица Франческа, которой на вид было около тридцати. Все они оказались на редкость доброжелательными и открытыми для общения людьми и сразу же завели привычку приглашать друзей на ужин. За столом на все вопросы хозяев отвечал Николай, а все остальные его товарищи, улыбаясь, подкивали ему, что-то добавляя по-английски – к месту или не к месту, не знал никто.

Первый совместный ужин долго не затянулся. Друзья быстро поели и только собрались уйти к себе в комнату, – достопримечательности города вымотали, – как Франческа, извинившись, попросила Николая помочь ей с компьютером. Ей понадобились какие-то программы, и она не знала, как их скачать. Не мудрено, что именно Николая выбрала в помощники, темпераментная итальянка. Он был самым красивым из их четвёртки. Высокий, на загляденье хорошо сложенный, с правильными чертами лица. Но, однако, сам Николай в друзья к девушке не рвался.

– Стёпка, это по твоей части. – он вежливо переадресовал её просьбу другу, который, между тем, с радостью вызвался помочь красавице, надеясь на продолжение вечера. Но Франческа не приняла замены, и Коле пришлось самому отправиться с ней в её комнату разбираться с компьютером.

К товарищам он вернулся уже поздно ночью. И подобное времяпровождение для Николая стало обычным делом: все последующие дни их пребывания в Катании, он задерживался у Франчески допоздна. Сегодня было всё как обычно, поздно ночью Николай потихонечку открыл дверь и вошёл в комнату. Пётр и Эдик мирно храпели на своих кроватях. Лишь Степан, сидя в кресле и уткнувшись в компьютер, что-то там печатал. Он был первоклассным программистом и с ноутбуком не расставался никогда. Везде таскал с собой и в любом помещении, в свободное время, сразу же включал. С Интернетом не заморачивался. В его мозгу всегда находилась идея, которую он тут же начинал облекать в программу. Про таких, как он, говорят, – родился с компьютером.

– Ты чего так поздно? Завтра восхождение. Идём покорять вулкан. Забыл? – Степан закрыл крышку ноутбука и убрал его на прикроватную тумбочку. От долгого сидения в одной позе затекла спина, потому, встав с кресла, решил сходить в туалет, чтобы хоть немного размяться.

– Ничего я не забыл, – шёпотом ответил Николай, подходя к своей кровати. – Сам чего не спишь? Рано же вставать.

– Работал. А ты с хозяйской дочкой развлекался?

– Как ты мог такое подумать?! Мы с ней о политике разговаривали. Про Берлускони.

– Не стыдно? Они к нам со всей душой, а ты... Не боишься, что забеременеет? Права начнёт качать?

– Она сама этого хочет. ... Не могу же я женщине отказать! А вообще я ей сразу сказал, что жениться не собираюсь... Всё, я спать. Отстань.

– Ну, ну! – Степан вышел из комнаты.

Билеты были куплены заранее. Рано утром пришли на остановку и просто сели в нужный автобус, который должен был довезти их по горному серпантину на высоту две тысячи метров. Первые двадцать минут ехали достаточно быстро, преодолевая резкие повороты, с почти

ничтожными интервалами прямой дороги, но постепенно, поднимаясь выше и выше, скорость снижалась, и уже медленно, метр за метром ползли вверх. Противно кружилась голова и подташнивало. Степан обернулся к ребятам, которые сидели позади него.

– Не тратьте, зря время! Спите!

Степан был в их дружном коллективе лидером. Этот среднего роста крепкий парень, программист по профессии, умел говорить жёстко, аргументировано, и потому, наверное, к нему прислушивались друзья – не менее умные, но не столь категоричные.

– Как тут спать? Ты посмотри, какая красота! – Эдуард, высокий, тощий парень, химик по профессии, пытался возразить другу. Его взгляд был устремлён в окно – на изумительные красоты пейзажа.

– Любоваться красотами будете на обратном пути. А сейчас беруши в уши – и спать! Набирайтесь сил, они нам ещё пригодятся для восхождения, – Степан был непоколебим и первым, усевшись поудобнее, закрыл глаза в попытке уснуть.

Рядом со Степаном сидел слегка полноватый Пётр, физик по специальности, который сразу последовал примеру друга и тоже закрыл глаза. Имея лишний вес, он больше всех опасался этого восхождения и понимал важность отдыха.

Рядом с Эдиком сидел Николай – врач-психиатр по профессии. Сегодня он один из их бравой четверки не стал спать, а все два часа пути с неописуемым восторгом любовался панорамой, открывающейся из окна автобуса.

Ехали почти два часа. На высоте двух тысяч метров, автобус остановился. Теперь километр предстояло подняться пешком вверх. На дворе стоял сентябрь, и когда садились в автобус, на улице было жарко – плюс 35, а там, где они находились сейчас, всего плюс 10 и сильный ветер.

Что наверху у вулкана значительно холоднее, – они узнали ещё внизу, у бывалых туристов, и сейчас, прежде чем начать восхождение, достали из рюкзаков ветровки. Помимо ветровки у Степана в рюкзаке была ещё и палатка. Его неугомонный характер не довольствовался запланированным, и почти всегда по ходу путешествия он придумывал что-нибудь эдакое и, как правило, авантюрное. Ребята знали эту его особенность, и у Петра, как любителя поесть, в рюкзаке всегда была припасена еда для таких вот незапланированных вылазок. Самый худой из всех, Эдик держал в рюкзаке фланелевое одеяло, чтобы не больно было сидеть на камнях. Николай не любил темноту, потому за освещение в ночное время отвечал именно он.

На вершину вулкана можно было легко подняться по канатной дороге, без лишних хлопот, без усталости, но за неё нужно было платить. Многие решали сэкономить евро и совершали восхождение пешком. Тем более расстояние казалось небольшим, всего ничего – 800 метров. Так думалось в начале пути, и людская пешая верёвочка непрерывной змейкой тянулась на многие метры по склону вверх. Но то, что казалось лёгким у подножия, потом выливалось в бесконечные проклятия.

– Ну, что пошли? – Степан снова взял инициативу в свои руки.

Идти было очень тяжело. Ноги вязли в лавовом песке. Склон был достаточно крут. С каждым шагом увеличивалась высота, воздух становился всё более разрежённым, организму уже серьёзно не хватало кислорода, силы заканчивались быстро.

“Хорошо, что вздремнул”, – подумал про себя Пётр, пройдя чуть больше половины пути и уже с трудом волоча ноги. Степан и Николай ушли далеко, но не пропадали из виду. За Петром шёл Эдик. Ему тоже было идти очень тяжело. Никто из этих двоих физически не был готов к подобному восхождению, и сейчас страдали. Наконец дошли до смотровой площадки на высоте 2800 метров. Прежде чем зайти в кафе, все, кроме Степана, направились в туалет. Он остался караулить рюкзаки. Когда вернулись, Степан их встретил с таинственной улыбкой на лице.

– Ты чего светишься? – Эдик заподозрил рождение нового приключения в голове друга и внутренне приготовился отказать. Восхождение слишком вымотало его. Но Степан и не думал колотья. Он интригуяще молчал, словно воды в рот набрал и лишь, когда уселись за столик в кафе и начали поедать бутерброды, со святящимися глазами радостно выдал.

– Сегодня ночуем в горах! – поймав удивлённые взгляды ребят, быстро добавил. – Вон за тем столом сидит немец в клетчатой рубашке. Видите? Что вы все разом обернулись... Он известный фотограф вулканов. Я его узнал, потому как читал о нём и видел его фотографии. Мой немецкий мне помог, мы разговорились. Отсюда он намерен подняться выше. По его данным там есть действующий вулкан, и он хочет его поснимать. Говорит, был здесь не раз и знает, как к нему подобраться. Конечно, это опасно, но я его уговорил разрешить нам пойти за ним, объяснив, что, в случае чего, он нас не знает. У него бабушка из России, наверное, поэтому и согласился. Увидеть извержение собственными глазами – это один шанс на миллион! Вы как?

– Только «за»! – двое, Пётр и Николай, сказали это почти одновременно, в то время как Эдик промолчал.

– Ты что? Струсил? – открыто спросил Степан.

– Ну, почему сразу струсил? Не люблю жару. Без специальных костюмов можно получить серьёзные ожоги.

– Да брось ты! Посмотрим, хотя бы издалека. Как его зовут?

– Христофор.

– Он-то уж точно знает своё дело. Будем держаться его, и всё будет хорошо, – Пётр стал уговаривать Эдика.

– Нет. Я не пойду.

– Не уговаривай. Не хочет – так не хочет. Обратишь возвращаться один, – Степан стал давать указания. – Жди нас в гостинице. Дорога дальняя, мы вернёмся не раньше, чем через три дня, может позже.

– А как же отпуск? Хотели же...

Степан прервал мысль Эдика, понимая, что он хочет сказать.

– В других местах мы всегда сможем побывать. ... Не мешай, а то я главное забуду. Вот ещё, – теперь он смотрел на Николая и Петра, – еды надо купить и что попить. Христофор сказал: там, куда пойдём, кафе не будет. И ещё: за кафе есть лавка. Христофор велел купить шлемы.

– Зачем? – чуть ли не в один голос спросили и Пётр, и Николай.

– Ой, уже испугались. Для страховки. Для чего в шлемах на мотоциклах гоняют? Не мешайте... Что ещё хотел сказать... Да вот ещё что: Эдик, оставь нам одеяло... Хоть что-то, чем ничего.

Сделав снимки и погуляв, Эдик стал спускаться вниз. Ребята же, купив шлемы, пошли гуськом за Христофором, продолжая восхождение вверх.

В пути они были уже более суток. После ночёвки останавливались буквально на минуты, чтобы перевести дыхание и глотнуть воды. Через некоторое время наконец-то показался нужный кратер вулкана. Он был совсем рядом – метрах в пятистах от них. Красный огненный пласт, словно магнит, притягивал к себе взгляды. Фотографий было сделано достаточно, но азарт захватывал, и друзья решили последовать за Христофором, который намеревался подойти ближе. Но эти метры пройти не удалось.

– Стойте, – вдруг неистово закричал Христофор, показывая рукой чуть в сторону от того места, где они сейчас находились.

Все разом замерли и устремили взгляды в направлении руки Христофора. Через какие-то пару секунд они увидели, как высоко в небо взвилась прозрачная струя. Скорость и высота струи говорили о той невероятной, громадной силе, с которой она, разорвав грунт, устремилась ввысь. На высоте струя раздулась и превратилась в колонну. Несколько секунд ещё оставалась

прозрачной, но потом наполнилась чернотой. Как потом они почувствовали, это были куски породы, вырванные потоком. Растерявшись, все стояли и просто наблюдали за происходящим. Продолжения не пришлось долго ждать. Через секунды, взлетев на сотни метров и разлетаясь в разные стороны, куски породы щедро стали падать им на головы.

Все разом рухнули в жидкую грязь, которая была под ногами, и по которой убежать от начавшегося извержения было бесполезно. Они оказались под огненным дождём, под лавиной падающих с неба скальных обломков. Камни били их по шлемам, по спинам, по ногам.

Наверное, каждый из них попрощался с жизнью потому, как вес некоторых падающих глыб, был внушительных размеров.

Дикая свистопляска продолжалась уже несколько минут и не думала униматься. Вдавливаться в жидкий грунт было бесполезно. От падающих камней было невозможно спрятаться.

Грохот прекратился столь же внезапно, как и начался. Больше не было слышно ни рёва, ни свиста. Наступила поразительная тишина. Встать боялись, ожидая повторения. Первым встал Христофор. Он по-немецки обратился ко всем, спрашивая, есть ли раненые. Но, к счастью, таковых не было. Ему ответил Степан, вставший следом. За ним поднялись и все остальные. Все были напуганы, побиты камнями, заработали синяки, но, к счастью, обошлось без смертельных исходов. У друзей было одно желание: вернуться назад, и как можно быстрее.

– Что это было? – спросил у Христофора Степан. Уйти, не узнав, что произошло, он не мог.

– Фреатическое извержение. Нагрев грунтовых вод. Температура сначала превращает воду в пар, а затем избыточное давление заставляет пар взламывать породу и устремляться вверх.

– Ясно.

Несмотря на недавно произошедшее, Христофор решил остаться и сделать, как считал он, более удачные снимки. Ребята же собрались возвращаться. Каждый подходил и жал Христофору руку, обнимая на прощание. Они все стали родными после пережитого.

Домой вернулись на третьи сутки, голодные, грязные с обгоревшими волосами и почти без ресниц, но всё равно счастливые.

– Мы такое испытали!.. Ты много потерял! Зря не пошёл с нами, – эти слова Степана были первыми после того, как он переступил порог комнаты.

Впрочем, за вечер их повторил Эдику каждый из друзей. Умывшись и перекусив, они потом всю ночь просидели за столом: пили вино и показывали снимки друг другу, а больше Эдику, делясь с ним не только впечатлениями, но и важной информацией о вулкане, которую сами узнали на своей шкуре. Франческа была в отъезде. Николай никуда не отлучался и с удовольствием проводил время с друзьями, демонстрируя свои яркие, эффектные фотографии.

Постепенно разговор перешёл на Христофора.

Больше говорил Степан: как знаток немецкого, он разговаривал с фотографом, расспрашивал о многом.

– Рассказал, что первые снимки сделал просто из любопытства, но постепенно его затянуло. Без вулкана теперь уже жить не может. И ядовитыми газами травился, и получал ожоги, но, вылечившись, всё равно возвращается к ним.

– Что, интересно, им движет? ...Всякий раз подвергать свою жизнь опасности – ради чего? – Эдик сказал эти слова с осуждением.

– Ты знаешь, – в разговор влез Николай, – мне он показался обыкновенным парнем. Просто очень целеустремлённым. Это бросилось в глаза, и ещё – высочайший профессионал своего дела. Это мы засняли вулкан, как пришлось. Он же, между прочим, не ушёл с нами, а остался дожидаться благоприятного момента для более удачных снимков. Палатку поставил и ждёт. ...Упёртый парень, прямо на зависть!

– Это человек, который умеет побеждать страх, – Степан долил каждому вина в бокалы и, отпив из своего, добавил. – Лично у меня было столько моментов, когда хотелось всё бросить и бежать! Если бы был один, то точно сбежал бы.

– Не ты один такой, – Пётр опустошил свой бокал до конца, а затем вставил. – Я со страху даже пару раз мочился. Хорошо жара там, всё высохло.

Его откровениям улыбнулся лишь Эдик.

– Во, во! А этот Христофор ходит себе спокойно. Земля ноги обжигает, каждую секунду думаешь: сейчас под твоими ногами разверзнется, а он словно на Швейцарском лугу гуляет. Всё нипочём! – продолжил Степан.

– Человек ко всему привыкает.

– Нет. У него не привычка. У него что-то другое, что-то вроде стержня.

– Сила воли.

– Я спросил у него, как он это делает. Там ведь опасностей, причём смертельных, – море. И знаете, что он мне ответил? – Степан интригующе посмотрел на друзей. – Он сказал, что просто делает своё дело – и всё. Тогда я спросил по-другому: а какая главная черта нужна в подобных ситуациях фотографу для успеха?

– Смелость, – не дожидаясь, почти хором произнесли Пётр и Николай.

– Нет. Он мне ответил, цитирую дословно: быть готовым умереть, когда это станет неизбежным.

Удивление, смешанное с восхищением, застыло на лицах всех присутствующих.

Некоторое время молчали.

– Выходит, он не боится смерти, – первым прервал молчание Пётр.

– Не то, что не боится. Тут нечто другое, как бы точнее выразиться... – Степан пару секунд подбирал слова. – Он умом к ней готов, то есть не потеряет рассудок при первой же опасности. Будет бороться до конца, а если что – достойно примет смерть.

– Вот бы мне такой характер! – с завистью сказал Эдик.

– Характер необходимо воспитывать, а для этого надо уметь строить грандиозные планы и выполнять их. Вот чего ты с нами не пошёл? Чего так за жизнь свою вцепился? По мне так лучше жить на пределе возможностей! С риском, а не прозябать, не высываясь.

– Здесь, Степан, я соглашусь с тобой. Жизнь – она как фейерверк, должна светить. Девочки... Или ещё что. Каждый по-своему зажигает. Но нужно побольше огня! Иначе – зачем мы здесь, на земле? – Николай поддержал друга.

– У тебя одни девки на уме, – Степан с осуждением посмотрел на него. – Не боишься подцепить какую-нибудь заразу?

– Ты просто завидуешь, – Николай дипломатично вывернулся.

Произнеся эти слова, он, сам того не осознавая, попал в точку. Степан действительно завидовал умению Коли нравиться девушкам. Завидовал всерьёз и злился, поскольку был убеждён, что самое ценное в мужчине, как в продолжателе рода, – его ум. В их четвёрке ему, он был уверен, не было равных по уровню интеллекта. Но девушки упрямо предпочитали Николая, – что понять и, самое главное, принять он не мог.

В разговор влез Пётр.

– Я тоже за экстрим. Нынешняя встряска с риском для жизни мне столько адреналина всплеснула в кровь, что теперь все остальные проблемы смехотворными кажутся. Диссертацию теперь точно закончу, а то всё тянул!

– Ложимся. Как бы самолёт не проспаться. Эдик, ты отвечаешь за подъём, – Степан, как всегда, давал указания. Ребята разбрелись по кроватям, и вскоре все крепко спали...

Глава 1

Прошло полгода с тех пор, как они побывали в Италии. Работа засосала, встречаться стали реже. Встречаясь, строили планы новых рискованных приключений. Впечатления от поездок в Италию до сих пор кружили голову, и спокойного отдыха уже не хотел никто.

А Степана так вообще тянуло каждый день жить в экстриме, на пределе своих возможностей. Он стал ломать голову, чтобы такое придумать, чтобы и ребят втянуть в это дело. Думал, думал – и придумал. В один из вечеров он пришёл к Петру с очень загадочным лицом.

– Петька, слабо моё предложение принять? – бросил Степан, входя к другу в комнату.

– А что такое?

– Я сейчас тебе одну программу загружу, ты посмотри, подумай. С ответом не тороплю, если откажешься – не обижусь.

– Что за программка–то? Чего темнишь?

– «Рулетка» – программа, которая бросает вызов жизни. Встань-ка! – и Степан, сев на место друга перед компьютером, достал из кармана и вставив в гнездо флешку, застучал по клавишам.

– Пока впечатляет. Потом видно будет, – Пётр встал со своего места и сел на диван, углубившись в чтение книги.

Когда Степан работал, беспокоить его расспросами было бесполезно, он просто игнорировал присутствующих.

Через полчаса, довольный собой, Стёпа встал со стула.

– Всё, Петька, – смотри, изучай! Пойду я. Надо ещё Эдику предложить, – и он, попрощавшись, ушёл.

Степан оставил Петра в долгих размышлениях. Программа, которую он выложил на обозрение оказалась формулой, где невидимая рука программиста крутила номера их квартир. Вероятность выпадения номера их квартиры была ничтожно мала, но если бы подобное случилось, то “счастливчику” на компьютер стало бы приходить сообщение о приближающейся Смерти. И человек, согласившийся на участие в игре, должен был бы покончить с собой. Это действие было обязательным по условиям игры.

– Стёпка, круто! – первым откликнулся Пётр. – Я два дня не спал. Просчитал все возможные случаи. Моя квартира выпадет не раньше, чем через пятьдесят лет. К тому времени жизнь до того достанет меня, что я и без «рулетки» захочу умереть. В общем, я – за! Включай мою квартиру.

На восемь часов вечера была назначена встреча у Степана, который собирался взять с друзей особую клятву, не оставляющую им пути к отступлению. Три друга: Петя, Эдик и Николай решили встретиться и пойти к Степану вместе, но Николай отказался, сославшись на дела.

– У Стёпки вообще крыша от своего программирования поехала, – Эдик понуро шёл рядом с Петей.

Он, как и Николай, считал эту Стёпкину затею дурацкой, но смелости отказаться у него не нашлось.

– Да не заморачивайся ты так! Я всё проверил, там эта формула такая сложная, что вероятности выпадения вообще нет.

– Он точно псих! – не унимался Эдик. – И чего я, дурак, вас слушаю? Послать бы вас к чёрту – да и всё! Колька правильно сделал, что сразу отказался.

– Да хватит тебе ныть! Если что, я вместо тебя... сам понимаешь, что сделаю, – Петя ободряюще похлопал друга по плечу.

– Успокоил! – и Эдик нажал на кнопку квартирного звонка Стёпы.

– А Колька что, струсил? – первое, что сказал Степан, открыв дверь.

– Да! Эдька, между прочим, пока шли, тоже весь изнылся и уже готов сбежать, – выдал друга Петя, заходя в квартиру.

– Да ладно вам – так за свою жизнь держаться! Смелее надо быть! – и Степан повёл друзей в свою комнату.

Он продолжил говорить, когда все прошли в комнату и расселись кто где: Эдик и Петя сели, как обычно, на диван, сам хозяин сел за стол, где лежал его ноутбук.

– Поймите, только оттого, что наше время пребывания на этой Земле ограничено, мы мобилизуемся и мчимся вперёд на всех парах, чтобы успеть хоть что-то после себя оставить. Если бы мы жили вечно, то, уверяю вас, мы бы сейчас разговаривали в пещерах. Да, да именно в пещерах! Почему нет, куда торопиться? Поймите, чем дольше мы живём, тем ленивее становимся.

– Не говори глупости! Согласно исследованиям, научных открытий на душу населения становится с каждым годом всё больше и больше, – как бы между прочим вставил Пётр, степенно вытирая свои очки.

– Это ты не говори глупости! – возмутился Степан. – Не хотят люди учиться – это факт.

– Хватит вам спорить. Ты зачем нас позвал? – в разговор нетерпеливо влез Эдик. Он явно нервничал, его руки теребили носовой платок, которым время от времени он вытирал пот со лба.

– Ты чего такой нервный? – в свою очередь спросил Степан.

– Ничего я не нервный, просто не люблю пустую болтовню.

– Это не пустая болтовня, – обиженным голосом оправдывался Степан. – Я хочу, чтобы вы осознанно сделали свой выбор. Осознанно, а не движимые одним лишь азартом или бесшабашностью. И чтобы потом за мной не бегали и не просили вывести вас из игры.

– Ничего мы просить не будем, – быстро ответил Эдик и за друга тоже. Он торопился, словно опасался чего-то.

– Эдик, помоги. Нажал сильно, стекло выдавил, – Пётр протянул очки другу. Они отвлеклись на некоторое время, а Степан, воспользовавшись паузой, вышел. Вернулся он быстро и сразу же начал говорить, причём громко.

– Итак, подытожим. Подобный эксперимент – удел сильных духом. Слабак, понятное дело, слюни пускать начнёт. Тем лучше: заодно и цену своему характеру узнаем. К примеру, с Колькой теперь всё понятно.

– Ты чего тут размитинговался? Лозунгами заговорил. И вообще: говори потише. Мы – рядом. Во-вторых, что тебе понятно насчёт Кольки? – надевая очки, спросил Петя.

– Как что? Струсил человек, за свою жизнь крепко держится, хотя, по правде говоря, ему ли держаться?

– Ты это о чём? – Эдик с любопытством посмотрел на друга.

– Да всё о том же! Он самый бездарный среди нас.

– Колька что ли? Ты чего?! Он человек хороший, – Эдик заступился за друга.

– Быть просто хорошим человеком – мало, – Степан продолжал говорить громко. – Надо что-то представлять собой, головой уметь работать, а если не умеешь – так и нечего....

– Ты что, совсем рехнулся? Нищсе тут нашёлся! – раздражённо перебил друга Эдик, – Надо же, как он заговорил! – и Эдик, подражая голосу Степана, повторил: «Имеют право на жизнь только умные». Ты в своём уме?

Но Степан нисколько не смутился и с ещё большим рвением стал доказывать свою точку зрения.

– Поймите, не мы их устанавливали, я имею в виду эти правила, и потому должны подчиняться, – Степан поймал на себе удивлённые взгляды друзей и поспешил добавить. – Объясню на конкретных примерах. Вот, к примеру, взять муравьёв или тех же самых пчёл. Все восхищаются их организованностью, их работоспособностью и даже ведут речь о наличии у

них мозгов. Чепуха всё это! Нет у них мозгов! Во всяком случае, у пчелиных трутней, у рабочих муравьёв – точно нет. Они просто тупо работают на благо другого, то есть на одну умную, то бишь на матку. У них даже не хватает ума понять, что их используют. Как поступает рой пчёл или стая муравьёв в случае серьёзной непредвиденной ситуации? К примеру, нет еды или опасность. Уничтожают трутней. Впрочем, те сами делают себе харакири. Представляете?! Пчелиная матка живёт всегда потому, что у неё единственной есть мозги или наподобие того. Поняли, по какому принципу идёт отбор? В человеческом обществе так же. Кто с мозгами, тот и ценен, а нет – уж извините!

– Ну, ты, Степан, даёшь! Второй Раскольников нашёлся, – Пётр удивлённо ухмыльнулся.

– Кстати, он был прав, и я его полностью оправдываю, – Степан поспешил защитить героя Достоевского. – Правда, слабоватым человек оказался, а зря.

Друзья промолчали, не найдя что ответить Степану. Заметив в их глазах осуждение, он решил их успокоить.

– Вам-то чего волноваться, вы все с мозгами. Это вам жить да жить, а вы рискуете, а вот Кольке – чего небо копить?

– Ладно, кончай, Степан, болтать, – Петя резко прервал столь щекотливую тему. – Эдик прав, давайте уже начинать. Да, кстати, напхни, пожалуйста, как мы узнаем, что выпала наша квартира.

– Узнаете, не переживайте. Моя программа – это компьютерный вирус, который сидит в ваших жёстких дисках, где и крутится та самая формула, и как только выпадет нужный номер квартиры одного из нас, вирус активизируется, и вся ваша информация в компьютере полетит к чёртовой матери.

– А вот и я! – в двери появился Николай, который опоздал на некоторое время.

Занятые разговором ребята не услышали, как мама Степана, выходящая из квартиры, чтобы сходить в магазин, столкнулась с ним у самого входа. Николаю не пришлось звонить, раз дверь уже открыли, и он вошёл в квартиру незамеченным. Быстро разувшись, хотел было уже зайти в комнату, к друзьям, но вдруг услышал слова Степана по поводу своих умственных способностей. Услышанное повергло его в шок, но он всё же нашёл в себе мужество объявиться.

– А вот и я! – ещё раз повторил Николай, улыбаясь. Он изо всех сил старался не показать виду, что всё слышал.

– А мы думали, что ты уже не придёшь, – Степан первым поприветствовал друга. В его интонации почувствовалось некоторое смущение, это бросилось в глаза Петру, и чтобы поддержать Степана, он встал и тоже подошёл к Николаю. поприветствовав друга пожатием руки и бросив, как бы между прочим: “Молодец что пришёл”, – Петя сразу же повернулся к Степану, чтобы скрыть теперь уже своё ощущение неловкости, и, как спасение, продолжил начатый ранее разговор.

– Значит, говоришь, если какой-то номер из наших квартир выпадет, то вся информация в компьютере хозяина полетит в таргарары? Правильно я тебя понял?

– Правильно. А зачем она ему тогда уже будет нужна? Он ведь на тот свет уходит, а там, как нам всем известно, другие ценности.

– Не утешительная новость, однако, – иронично заметил Эдик и, тоже встав с дивана, подошёл к Николаю и пожал ему руку. Николай, как ни старался вести себя как обычно, у него это всё же плохо получалось. Он остался стоять у двери и не прошёл к дивану, как обычно делал это раньше.

– Такова правда. Что, передумали? – Степан старался уличить друзей в трусости.

– Ничего мы не передумали. Давайте уже начинать, – Эдик ответил за всех.

– Ну хорошо, раз вы готовы, давайте начинать. Вставайте в круг и повторяйте за мной, – Степан прошёл на середину комнаты. Все последовали за ним.

– Клянись, – начал Степан, – что если выпадет моя квартира, то найду в себе смелость, решительность и смогу покончить жизнь самоубийством. Клянись.

–Клянись. Клянись. – слышались голоса друзей.

– Ну всё, – торжественно сказал Степан, – поклялись при свидетелях. Это, товарищи, серьёзно.

Все улыбались, но напряжение в лицах чувствовалось. Каждый вдруг понял, что, просчитывая вероятность выпадения своей квартиры, они не учли возможности сбоя программы и, как следствие, непредсказуемости результатов. Николай первым стал собираться домой.

– Мать приболела, обещал не задерживаться, – он так и не присел, а после окончания клятвы сразу же ушёл в прихожую.

Степан, как хозяин, вышел проводить его. Эдик тоже было засобирался домой, но заметив, что Пётр не встал со своего места, решил остаться, полагая, что тот хочет поговорить.

Глава 2

Когда за Николаем закрылась дверь, Степан вернулся на своё место за столом и уткнулся в компьютер. Пётр молчал и лишь его взгляд, словно луч фонарика, блуждал по комнате, ни на чём конкретно не останавливаясь. Эдик, подперев кулаками щёки и упёршись локтями в коленки, смотрел в пол. В комнате установилась напряжённая тишина.

– Интересно, он слышал, о чём мы тут говорили? – Пётр сказал это как бы в пустоту, словно разговаривал с самим собой. Но все сразу услышали его и поняли, о чём это он.

– Вполне вероятно. Нехорошо получилось, – Эдик ответил первым.

– А я знал, что он услышит, потому напрямую и сказал, – Степан оторвался от монитора и повернулся лицом к друзьям.

– Ты что, очумел?! Разве такое говорят в лицо, он же твой друг! И потом, откуда ты мог знать? – Эдик от возмущения даже встал и стал ходить по комнате, а потом остановился возле Степана. Он жаждал объяснений.

– Помните... возможно, вы и не помните, ладно, не столь важно... Когда вы Петькиными очками занимались, я вышел попить, что-то в горле пересохло. Так вот, я видел, как мать выходила из квартиры, а Колька входил. Поэтому звонка не было. Он попал на открытую дверь. Я даже не попил, быстрее в комнату вернулся, потому что торопился начать разговор. У меня эта мысль давно родилась, но я, как и вы, боялся обидеть. А сейчас случай подвернулся.

Друзья молча слушали Степана.

– Понимаете, именно от того, что он мой друг, я не могу спокойно смотреть на то, как он впустую растрчивает свою жизнь.

– Что значит впустую? Он же медицинский окончил. Психиатром в больницу устроился. И потом, он мне сам говорил, что диссертацию начал.

– Не в какую-то, а в нашу психушку, – поправил Пётр.

– Какая разница! – Эдик всё никак не мог успокоиться. Его голос выражал возмущение.

– Действительно, Степан, Эдик прав. Николай стал врачом, работает.

Эмоционально более выдержанный Пётр наконец-то определился, чью сторону он примет, хотя его замечание было весьма пространством.

– Да поймите вы, – теперь пришла очередь возмущаться самому Степану. – Колькин путь только начинается. Сейчас он должен определиться: или он будет восходить – или нисходить. А диссертацию ни фи́га не пишет: сам мне говорил, что бабы отвлекают, не до диссертации. Понятно? У него только девки в голове! И то – не самые достойные. Он прожигает свою жизнь впустую. Кроме девок его, похоже, ничего больше не волнует. Понятно дело – красавец. Но это же не оправдание!

– Ну, в этом ты прав. Но не понятно, каким образом твой выпад, достаточно жёсткий я бы сказал, образумит его.

– Вот именно! – Эдик поддержал Петра.

– Этим я хотел бросить ему вызов. Если мои слова его оскорбили, то логично было бы их как-то опровергнуть. Верно?

Друзья промолчали, и Степан продолжил.

– Лично я бы на его месте, услышав о себе такое, разбился бы в лепёшку, но доказал обратное. Я бы сделал что-нибудь такое, чтобы прямо ах!

– Понятно. А если он обидится или даже вообще порвёт с тобой отношения?

– Ну, что поделаешь? Значит, так тому и быть. Но, думаю, он не обидится.

– А если отомстит? – Эдик всё никак не хотел успокаиваться и всё сильнее закручивал гайки. – Месть психиатра. Звучит? ...Звучит. Не боишься? Это тебе не морду набить. Заточит к себе в психушку! Мало не покажется. Тем более исторический опыт имеется.

– Да уж! Не дай Бог там оказаться, – в разговор влез Пётр.

В глазах друзей просматривался страх и растерянность.

– Расслабьтесь. Думаю, до этого дело не дойдёт. Меняем тему. – Степан дружески хлопнул по плечу Эдика. – У меня тут для вас пара бутылок пива припрятана, будете?

Степан вышел из комнаты и через некоторое время вернулся, держа в руках три бутылки пива и стакан. Стакан предназначался для Эдика, который был ещё тот чистюля. Раздав друзьям, которые сидели на диване, по бутылке, Степан сел за стол.

– Ты, Степка втянул, нас в авантюру, – начал Эдик.

Открыв свою бутылку, он налил пиво в стакан и только затем продолжил, – так будь добр, просвети, какие нам ожидать сюрпризы в случае сбоя программы или каких других непредвиденных обстоятельств.

– Хороший вопрос, – Степан сделал глоток пива и повернулся к ребятам лицом. – Хочу вас успокоить: в случае, как выразился Эдик, сбоя чего-либо программа автоматически останавливается, записав предварительно данные до сбоя. После устранения причин программа автоматически вновь запустится.

– С твоим участием? – переспросил Пётр.

– Нет. С сегодняшнего дня программа живёт своей жизнью, и я не в состоянии повлиять на ход развития событий.

– Выпустил чудовище из клетки и ещё хвастается, что оно ему не подчиняется, – произнёс Эдик с ухмылкой. – Ты хоть гарантируешь нам, что в случае внешнего сбоя, программа запишет правильную информацию?

– Конечно, гарантирую, я всё учёл, не переживайте! Этой авантурой я желал лишь одного: чтобы вы, да, впрочем, и я, по-новому взглянули на жизнь. Как правильно заметила героиня одного фильма, нам посчастливилось родиться на свет. Каждый из нас выиграл право на жизнь, и, поверьте, борьба была очень сложной. Каждый из нас уже доказал эволюции, что он более выносливый, более ценный, более быстрый и так далее, но потом мы расслабились. По какому такому праву, спрашиваю я нас всех? Поймите, нам в руки попало счастье под названием жизнь. Мёртвыми мы будем всегда, а вот живыми – какое-то мгновение. По сравнению с вечностью наша жизнь – это вспышка света, и всё. Потому надо торопиться дерзать, торопиться творить, познавать, создавать что-то своё, новое, да еще успеть донести всё это до людей. Вот на что надо тратить жизнь, а не на сон, болтовню, страхи. Чего бояться смерти, если она рано или поздно коснётся каждого? Мы все умрём, какая разница – раньше или позже? Разница, когда есть что терять. Вот я и хочу, чтобы нам было что терять.

– Аргументировано ты говоришь, и в целом с тобою трудно спорить. Мне не понятно одно, – Пётр протёр очки, затем продолжил. – А чего ради стараться, если всё равно умрём? Если бы было наоборот: жили бы, к примеру, вечность, то тут всё понятно. На тебе при жизни уважение, почести, деньги те же самые – наслаждайся! Ради этого можно и покорпеть, погрызть, так сказать, гранит науки. А так, ради мгновения, только зубы портить. Не лучше ли пролежать себе тихонько, не напрягаясь, не высовываясь? Засунуть, так сказать, свои желания куда подальше и ни о чём не переживать.

– Да пойми ты, – взволнованно воскликнул Степан, – у нас у всех есть обязательства! Для чего, думаешь, нас природа создала? Нас всех, а не тебя одного. Целый коллектив создала, популяцию, вид. Значит, какая-то задача перед нами поставлена, и чтобы мы не перемёрли, не успев решить её, нас так много! Кто-то умрёт, кто-то выживет. А ты знаешь, кто выживет, от кого пользы будет больше? Творец всей этой заварухи проверяет нас на содержание. Зачем ему, скажи, трутень? Он его, понимаешь ли, разумом наделил, возможности дал, а он в кусты хочет спрятаться. Люди должны осознанно проживать свою жизнь. Ты обязан привнести в общую жизнь что-то, чего не было до тебя. Понимаете, обязан! Иначе “кирдык башка”, а что вы хотели?!

– Вообще запутанно говоришь, – в разговор вступил Эдик. – Ну, предположим, мы докажем, что чего-то стоим, и что? Что дальше, что нам за это будет? Коллапс, рано или поздно наше солнце погаснет, исчезнет наша цивилизация и наши потуги в том числе.

– Нет, дорогие вы мои! Мы все общими усилиями что-то такое там придумаем, найдём замену нашему солнцу, и всё продолжится. Понимаете, продолжится! Но на более высоком уровне. Мы же живём лучше пещерного человека, он для нас постарался.

– Ага, я, значит, должен стараться, чтобы кто-то там жил в более продвинутом мире, – с ухмылкой произнёс Эдик, а потом добавил, – Нашли дурака! ... Поздно, пойду я, – Эдик встал и направился к входной двери.

– Подожди меня, я тоже уйду, – Пётр поставил пустую бутылку на стол. – Завтра на учёном совете выступаю. Надо продумать, что буду говорить, – Пётр встал с дивана и направился к выходу.

Степан проводил друзей до двери.

– Я вижу, вы какие-то грустные. Не расстраивайтесь вы так, – он попытался успокоить друзей.

– Мне ещё надо в магазин заскочить. Мать огромный список составила, что надо купить. Пока, завтра увидимся, – Эдик махнул рукой Степану и открыл входную дверь.

– Надо так надо. Хотел вам одну игру предложить, – Степан всё пытался развеселить товарищей.

– Хватит нам твоих игр, – недовольным голосом вставил Эдик, оборачиваясь уже в дверях.

– Чего вы такие пугливые? Это обыкновенные стрелялки. А насчёт рулетки – не бойтесь. Пятьдесят лет спокойной жизни я вам точно гарантирую, – обиженным голосом ответил Степан, закрывая за ними дверь.

Вернувшись к себе в комнату, он допил пиво из своей бутылки, потом, убрав её, сел за стол и открыл ноутбук. Произошедшее не сразу отпускало. Стуча по клавишам, набирая очередную программу, продолжал думать о ребятах.

Вымотался, пока их уговорил. Не думал я, что все такими трусами окажутся! А ведь я их только проверить хотел. Программа – это обыкновенный вирус и привязан к слову “удалить программу”; мою программу, разумеется. Стоит нажать это слово хоть раз – сразу активируется. Но всё равно – медленно будет раскручиваться. Запись выдаст о смерти, конечно назойливо, устрашающе. Часы будут отсчитывать минуты, но никакого уничтожения содержимого не будет. Я программист, для меня “внутренности” – это святое. Так что, пусть не трогают мою программу. Я столько времени в неё вбухал! Не будут уничтожать, – вирус ни за что не активируется. А насчёт мести... Хитрые какие! Почему это я один должен бояться? Вообще-то они вместе со мной находились. Никто из них дверь не хлопнул и не ушёл в знак защиты Кольки.

– Так что, всем и отвечать, – саркастически усмехнулся Степан. – Если что, в психбольнице все вместе окажемся!

Потихоньку Степан увлёкся написанием программы и, втянувшись, уже полностью погрузился в неё, забыв обо всём на свете.

Глава 3

Дома Петю у порога встретила мама. Он был единственным сыном в их профессорской семье, и если задерживался по вечерам, то мать, волнуясь, частенько встречала его прямо у двери, – очевидно, чтобы скорей убедиться, что с ним всё в порядке.

– Здравствуй, дорогой, – мать ласково обняла сына. – С тобой всё в порядке?

– Ну конечно! У Стёпки был, как всегда заболтались.

– Решали глобальный вопрос по поводу жизни на Марсе? – из кухни донёсся доброжелательный голос отца Петра, профессора физики.

– Не совсем так, но тоже кое-что глобальное, возможно даже расскажу, – ответил Пётр из прихожей, где снимал обувь.

– Привет, пап, – прежде чем пройти в ванную, он заглянул сначала на кухню.

Пётр был откровенен с родителями, но о том, что сегодня произошло дома у Степана, он решил им не рассказывать и, вернувшись на кухню, сел за стол и начал есть. Родители сидели рядом и обсуждали какие-то свои выступления на учёном совете. Ещё вчера он влез бы в разговор и поинтересовался их делами, но сегодня ему не хотелось этого делать. И вовсе не потому, что родители вдруг стали ему безразличны, наоборот, почему-то только сегодня он почувствовал, насколько сильно их любит, и как они дороги ему. Придя сегодня домой, он, наверное, впервые заметил и волнение в глазах матери, и почувствовал вкусный запах ужина, и вообще – даже простой свет в прихожей показался ему настолько родным, уютным, что у него больно защемило в груди от мысли, что он может потерять всё это.

Внутренним чутьём он понимал причину своего резкого просветления: впервые в жизни задумался о смерти и даже испугался её. Слезы подступил к горлу, стало даже трудно дышать. Он ниже опустил голову к тарелке, чтобы родители не заметили его волнения. Но потом ему вспомнилось, что Степан им гарантировал пятьдесят лет жизни, а это, надо сказать, срок немалый. Пётр успокоился и даже как-то возгордился, что нашёл в себе мужество на очень смелый поступок.

Однако мысль, что недавно произошедшее – лишь огромная глупость, которая, по сути, позорит их всех, упорно всплывала в его мозгу, но он гнал её и настойчиво оправдывал себя, веря, что Степан всё же прав, и теперь и он, и все остальные резко мобилизуются и интенсивнее будут работать. Обуреваемый такими мыслями он сидел на кухне, ел свой суп, не желал ни с кем разговаривать и тихо радовался, что родители беседуют между собой, не трогая его.

Но отмолчаться всё же не удалось. Отец вспомнил, что сын обещал что-то рассказать, потому, прервав разговор с женой, спросил.

– Так какие вопросы вы сегодня решали у Степана? – видно было, что отец интересуется вполне искренне.

– О смерти говорили, – Пётр придвинул к себе тарелку со вторым.

– Вон оно что! И по какому случаю столь странное любопытство? Кто-то болен? – взволнованно спросила мама, убирая пустые тарелки со стола.

– Вовсе нет, просто Степан выдвинул теорию, что чем дольше живёт человек, тем это более расслабляет его. То есть, якобы он не спешит стать творцом, полагая, что времени предостаточно. Я не согласен с этой теорией, – Пётр говорил и одновременно ел.

Отец с матерью, не перебивая, внимательно слушали сына.

– Мне кажется, – продолжил Пётр, – созидать – это потребность человека. Также как, к примеру, есть или спать. И срок жизни тут совершенно не причём. Вы со мной согласны?

– И да, и нет, – отец положил ложку и откинулся на спинку стула. – Как мне кажется, желание творить, созидать не относится к врождённым инстинктам – таким, которые ты упомянул. Я имею в виду – желание есть и спать. Умение творить и созидать – эти качества, при-

обретены человеком в процессе эволюции. В борьбе, так сказать, за лучшую жизнь. И в какой-то мере Степан прав. Чем продолжительнее жизнь человека, что, бесспорно, означает наличие в среде обитания благоприятных условий для жизни, тем меньше хочется созидать и творить. Чего понапрасну сушить мозги, если жизнь и так хороша? Но с другой стороны – нет предела совершенству. Человек захочет лучшего и вновь начнёт творить, но конечно, не с тем рвением, как если бы ему требовалось бы построить жилище, чтобы элементарно спрятаться от дождя.

– Убедили. Спасибо, пойду я, – Пётр встал из-за стола, ему совсем не хотелось вступать в дискуссию. Две прошедшие бессонные ночи дали о себе знать, он с трудом держал глаза открытыми, ибо очень хотелось спать. Чмокнув маму в щёку, Пётр прошёл в свою комнату.

Честно сказать, разговор с отцом ещё больше успокоил его. В их семье творчество было культом, а значит, то рвение, с каким он отныне намерен стремиться к победам, будет только приветствоваться ими, и не важно, что явилось причиной. С хорошим настроением он дошёл до кровати и, раздевшись, счастливый лёг спать, заранее вкушая радость побед, ожидавших его. Он ни на минуту не сомневался, что добьётся их.

Эдуард открывал дверь своим ключом. Уходя к Степану, он уложил мать спать и сейчас, возвращаясь, надеялся, что она всё ещё не проснулась. Войдя в прихожую, инстинктивно нашарил на стене выключатель. Секунда – и зажегся светильник, но маломощная лампа едва осветила порог комнаты. Эдуард любил свет, яркость, но ограниченность их семьи в деньгах не позволяла ему установить двухсотваттную лампочку, как хотелось бы.

Пакет с продуктами Эдик устало опустил на полку и стал разуваться. Тут же, взяв тряпочку, лежащую на обувной полке, аккуратно протер снятые туфли от пыли и стал их внимательно осматривать. Подумалось: “Слава Богу, ещё сезон прохожу, если конечно лето не будет дождливым”. Убирая обувь на полку, вздохнул от мысли, что лето скорее всего будет дождливым. Выключив бра, взял пакет с продуктами и прошёл на кухню.

По дороге домой он зашёл в продуктовый магазин и сейчас из пакета на кухонный стол вытащил два пакета молока, две булки хлеба и чекушку водки. Её Эдик не стал долго держать в руках, а быстренько спрятал в тайник, о котором знал только сам. Пока грелась вода, на цыпочках подошёл к комнате матери. Тихонько приоткрыв дверь, заглянул внутрь. Мама, укрывшись одеялом, лежала на кровати и спала.

«Спит, ну и слава Богу!», – успокоенный, он так же тихонечко закрыл дверь и вернулся на кухню. Налив в чашку молока, изрядно разбавил его горячей водой и, отрезав несколько кусков хлеба, сел ужинать. Эдик откусывал хлеб, запивал молоком, но всё это делал машинально, ибо мысли его были в другом месте, а именно в комнате Степана. Эдуард, в который раз – до мельчайших подробностей, вспоминал сегодняшний вечер, особенно то, что касается вероятности выпадения номера квартиры каждого из друзей. Ему пришли на ум слова Степана: “Не переживайте вы так, успеете пожить, это я вам точно гарантирую”, – но вроде бы обнадёживающие слова друга сейчас вызвали в нём раздражение.

Он нам точно гарантирует! Как же! А что он мне ответил, когда я напрямую спросил у него, в чём тогда смысл его затеи, если до старости все доживём? Мяться стал, нести всякую ахинею. Ничего вразумительного я от него так и не услышал. А всё потому, что на самом деле квартира каждого из нас может выпасть хоть завтра, как карта ляжет, и ничего тут не поделаешь.

Дурак я, что поддался на его авантюру. Вот дурак! О матери не подумал. Идиот! Что же делать? Позвонить и отказаться. А что я ему скажу? Что мать стало жалко? Он меня точно за идиота примет. У них у всех матери есть. Будет смеяться, скажет: струсил, а матерью прикрывается. Да не трус я!

Эдик разнервничался и, встав, подошёл к окну.

Не трус я. Своей жизни мне не жалко, просто мать без меня не сможет. Этого она точно не переживёт. Ради меня только и держится, а я ей такую подлянку устроил.

Ещё некоторое время простоял у окна, не видя за ним ничего, так как на кухне горел свет, а за окном было темно. Но отсутствие видимости Эдика ничуть не беспокоило, он продолжал думать о своём. Постепенно мысли переключились на работу.

Эдуард был хотя и молодым, но весьма перспективным учёным. Собственные разработки по созданию «самозаживляющегося» полимера, которые он хотел представить, как кандидатскую, вполне тянули на докторскую. Он предлагал внедрять в структуру материала сеть микроканалов по которым к повреждённому участку, восстанавливающее вещество может доставляться в любую точку поверхности. Он был влюблён в химию полимеров, в которой чувствовал себя по-настоящему творцом, ну прямо волшебником. Ажурные сеточки многоатомных соединений, которыми он вертел как хотел в поисках нужного свойства, завораживали, вселяли в душу какую-то особенную силу, власть. Мечтал построить целый город и даже что-то такое неземное, грандиозное, вечное, из материала, которому время будет не страшно. Правда, пока не представлял, что за материал это должен быть, как должен выглядеть, но что ему по силам его сделать – чувствовал. Время, необходимо лишь время! При этом слове у него на глазах всегда наворачивались слёзы. Времени для творчества катастрофически не хватало.

Они жили вдвоём с матерью, которая после трагической смерти отца сломалась, потеряла всякий интерес к жизни, начала пить. Его работа, как учёного, оценивалась государством совсем низко, зарплата была маленькой: после выплаты коммунальных услуг почти ничего не оставалось. Пристрастие матери к выпивке вынудило Эдика заняться репетиторством, что, конечно, добавило семье денег, но при этом отбирало значительную часть времени у любимого дела. Эдуард спал по пять часов в сутки, но это мало что меняло.

Была у Эдуарда мечта, одна единственная. И мечтал он не о науке, – в ней он добьётся всего сам. Мечтал он, чтобы с неба – или ещё откуда – на него свалилось много денег: они были нужны для матери, – чтобы он сам, ни на что второстепенное не отвлекаясь, мог спокойно заниматься своими любимыми полимерами.

Глава 4

Николай открыл дверь своим ключом. Разувшись в прихожей, окликнул мать, и поняв, что её нет дома, прошёл в свою комнату. За целый день у него не было и крошки во рту, но услышанное от Степана о собственных способностях отбило желание есть. Он плюхнулся в кресло и задумался о друзьях.

Вместе они дружили более восьми лет. До сего времени в них, вернее, в каждом из них, он был уверен, как в самом себе. Ради каждого из них был готов на любой поступок и был уверен, что и они готовы ради него на всё. И тут такое! Оказывается, он им не подходит! Они – умны, он – дурак, и вообще – ему не место на этой земле. Он им не нужен! Эта реальность была сродни ножу, вонзённому в его сердце по самую рукоятку.

Если бы он был женщиной, возможно, сейчас плакал и рвал на себе волосы от душевной боли, но будучи мужчиной, лишь время от времени скрежетал зубами, когда боль становилась не выносимой. Николай просто сидел и боролся с болью. Весьма успешный врачеватель человеческих душ, сейчас был бессилен. Он мог понять и объяснить многое в поведении человека, но случившееся с ним не поддавалось ни каким критериям и было за пределами его понимания жизни. Позже вспомнил, что мать ещё вчера говорила, что у Семён Николаевича день рождения и поедет к нему. “Сегодня он её точно не отпустит и оставит у себя”, – Благодарность судьбе за то, что может побыть один, теплотой окатило душу. Он не слышал, как звонил телефон, не вёл счёт времени, а просто сидел, слушая образовавшуюся пустоту в своей душе, и боролся с болью. Если бы мог сейчас умереть, то с радостью бы это сделал, – так сильно болела душа! Не сомкнув глаз, всё так же в кресле просидел всю ночь. А когда наступило утро, и зазвонил телефонный будильник, Николай встал с кресла, умылся и пошёл на работу.

Двухэтажная, построенная много лет назад психиатрическая больница с её некрасивой краской фасадных стен, с разбитыми во многих местах ступеньками центральной лестницы, выглядела весьма удручающе. Ей требовался по меньшей мере ремонт, но администрацию, это вовсе не волновало. Внутреннее убранство больницы ничуть не уступало по уродству внешнему. Длинный коридор, хотя хорошо освещался, но всё равно казался мрачным. Тягостный тёмно-синий цвет его стен, привинченные к полу синие скамейки способствовали ещё большему помутнению рассудка несчастных пациентов, бессмысленно бродивших по этому коридору значительную часть дня. Комнаты, где обитали больные, находились по обе стороны коридора. В каждой палате лежало по шесть человек. Из удобств – раковина с горячей и холодной водой, но туалет на весь этаж – один. Он располагался в конце коридора, рядом с кухней и столовой. Скучного бюджета больницы едва хватало на еду для больных и на лекарства первой необходимости. Оттого кормили плохо, но высокий профессионализм врачей творил чудеса. Лечение больные получали хорошее и этот факт сглаживал все бытовые неудобства. Жалоб на больницу не поступало, по причине этого с ремонтом не торопились.

Николай работал врачом-психиатром в этой больнице уже пять лет. Сюда он пришёл сразу же после ординатуры. Врачом стал под нажимом матери. Они жили вдвоём: отец много лет назад ушёл из семьи, но мама второй раз замуж не вышла. Одиноким разведенцем – Семён Николаевич – давно ухаживал за ней, предлагая руку и сердце, но мать всё никак не решалась выйти за него. Она работала лаборанткой в химической лаборатории при Академии наук, и, хотя не питала к химии никаких чувств, не уходила оттуда из-за сына, который, напротив, был одержим этой наукой. Всеми правдами и неправдами она поставляла ему всякого рода пробирки, колбочки, некоторые реагенты. В прошлом мать мечтала стать врачом, но обстоятельства сложились так, что она не смогла выучиться. Свою любовь к медицине она навязала сыну, уговорив его поступить в медицинский университет.

Но, даже учась на лечебном факультете, Николай увлечённо занимался химической фармацевтикой, посещая всевозможные кружки, против чего мама тоже возражала, считая фармацевтику не мужским делом. Когда необходимо было выбрать специализацию, Коля выбрал психиатрию. Эта наука была ему близка: он любил копаться в глубинах человеческих душ, хорошо в них разбирался, умел найти подход к каждому больному. И теперь, по прошествии нескольких лет, был даже благодарен матери за привитую ему любовь к медицине. Психиатрия нравилась ему все больше и больше.

– Николай Владимирович, у вас что-то случилось? Вы на себя не похожи, у вас совершенно седые виски, – это первое, что он услышал от коллег, входя в здание больницы. Они с участием смотрели на него, старались разговорить, вывести на откровения.

– Да просто всю ночь не спал, – он пытался отшутиться, но улыбнуться не получилось.

Николай не пошёл на планёрку, а отправился сразу же к себе в кабинет, чтобы начать приём больных. Ему хотелось побыстрее окунуться в дела, чтобы отвлечься от произошедшего. Среди больных почувствовал себя немного лучше, и они даже стали ему роднее. Слушая их выдуманные рассказы о себе, он, как никогда ранее, понимал их, отчётливо видел причины, вызвавшие расстройства их психики, ибо подобное ощущал сейчас и сам.

Вас, как и меня, предали или не поняли. Вам, как и мне, кто-то близкий, родной наплевал в душу, вонзил просто так, ни за что, нож в спину и попал в самое сердце. Вы, как и я, не можете понять, за что, и потому начался разлад в ваших душах. Ваше внутреннее «я», вступило в борьбу с вашим сознанием, которое уверяет вас, что такова реальность, что в мире нет ничего постоянного, что дружба, любовь – пустой звук, что вы одни в этом мире и полагаться вам не на кого. Близкие люди – это те самые монстры, готовые в любую минуту нанести вам удар. Что поделать? С этим надо жить. Вам тяжело, ваши старые ценности разрушились прежде, чем вы научились жить по-другому, оттого и возникла болезнь. Какое неправильное слово! Это вовсе не болезнь. Это альтернатива прежней жизни. Вы ведь должны были куда-то спрятаться, чтобы переждать, прежде чем научитесь жить по новым правилам. Да, да, именно так. Переждать, ...переждать. А что остаётся делать? Как жить, когда тебя не принимают, тебя не слышат?.. Остаётся переждать, пока как-то не удастся приспособиться: жить без дружбы, без любви, без надежд, а, значит, и без потерь.

И чем больше он слушал истории, тем отчётливее понимал, что душевная доброта повинна во всём. Жестокость и бессердечие – спасение от разлада в душе, а значит – спасение от болезней. Уходил Николай с работы совсем другим человеком. Он ясно понял, как надо жить, чтобы не было больно. ” Я им отомщу”, – это последнее, что подумал он о друзьях, прежде чем забыть эту историю и погрузиться в совсем другие мысли.

По дороге домой он забежал в магазин и купил краску для волос. Он надеялся, что мать куда-нибудь отлучилась, и он успеет покрасить волосы, прежде чем она увидит его таким. Его ожидания не оправдались: мать вышла навстречу, как только услышала поворот ключа во входной двери, и уже включила свет в прихожей.

– Здравствуй, родной, – мать нежно обняла его. – Почему ты вчера ничего не поел?

– У Стёпки поел досыта, больше не хотелось, – сказав это, сделал попытку быстрее прошмыгнуть в ванную, но мать схватила его за руку.

– Постой-ка, – встревоженным голосом она задержала сына и приподнялась на цыпочки, присматриваясь к его волосам. – Боже мой, да у тебя виски седые! И вокруг глаз морщинки. Что случилось, сынок? – В её взгляде было столько страха, что Николай поспешил успокоить мать.

– Ничего у меня не случилось. Просто старею.

– Да, это в двадцать шесть лет-то?!

Мать пошла вслед за сыном, который отправился мыть руки.

– Сыночек, скажи правду, ну пожалуйста! Вчера с утра у тебя был нормальный цвет волос. Что произошло? Мать не давала закрыть дверь в ванную.

– Я тебе честно говорю: ничего у меня не случилось. Позволь закрыть дверь, я хочу в туалет.

Мать покорно отошла от двери, но уходить не собиралась. Как только он вышел, вновь кинулась к нему с расспросами. Николай, понимая, что она не отстанет просто так, решил соврать.

– Ольгу помнишь? – он сел на своё место за столом в ожидании ужина.

– Скворцову, светленькая такая?

– Да. Она ушла к другому.

– К кому?! ...Вы же вроде с ней расстались?

– К одному придурку, ты его не знаешь. А я, дурак, даже о женитьбе начал думать...

– Вот стерва! Ну и очень хорошо, что она до свадьбы раскрылась. Ты правду говоришь?

– Мам, когда я тебе врал?

– И ты из-за этой дуры так расстроился, что поседел? – мать нежно обняла сына. – Плюнь ты на них! Зачем они тебе нужны?

– Я и наплевал. Сначала расстроился, потом подумал – и наплевал. Давай кушать, мам, умираю с голоду. Как поживает Семён Николаевич?

– Хорошо. Спрашивал, почему ты не пришел на его день рождения. Я сказала, что ты очень занят на работе.

– Правильно сказала. Зачем я там вам буду мешать? А поздравление я ему по ватсапу послал.

– Ничего бы ты нам не помешал! Поел бы вкусенького, а то ни на один вечер тебя нельзя одного оставить. Вчера вот голодным лёг.

– Мам, ну что ты! Я совсем не голодный был.

– Сынок, ты действительно из-за Оли расстроился?

– Да. Не столько расстроился, сколько обидно стало. Я к ней с душой, а она...

Мать тяжело вздохнула, раскладывая еду по тарелкам. Она поверила сыну и была огорчена. Когда-то её саму оставил муж, и боль от душевных ран была ей хорошо знакома. За ужином она не утерпела и вернулась к старой теме.

– Такие обманщицы, сыночек, не стоят того, чтобы ради них нервы мотать, – мать наставляла сына, который молча ел суп и думал о своём. Он лишь изредка посматривал на мать, давая понять, что весь во внимании. Поев, Николай встал из-за стола.

– Всё было вкусно. Мам, я тебя понял, из-за этих дур нервы больше мотать не буду. А волосы я покрашу, не переживай.

Николай сдержал обещание. Вечером, выйдя из ванны и высушив волосы феном, он продемонстрировал матери чистые, блестящие волосы, среди которых не было ни одного седого, правда, морщинки возле глаз никуда не делись.

Глава 5

Дни потянулись за днями. Уже прошло больше месяца после начала игры в «рулетку», друзья не встречались, ссылаясь на занятость. Они лишь перезванивались, да и то – не разговаривали подолгу. Между ними возникла какая-то отчуждённость. Вскоре Степан на полгода улетел в Нью-Йорк на творческие семинары. Друзьям он сообщил об этом лишь перед посадкой в самолёт.

Было четыре часа дня, когда Николай шёл в раздевалку, чтобы переодеться и пойти домой. Раздался телефонный звонок.

– Да! – прижимая телефон головой к плечу, ответил, а между тем открыл свой шкафчик и, продолжая разговаривать, начал раздеваться. – Да, да я вас внимательно слушаю. ... Я вас понял, сейчас спущусь. Ждите меня во дворе.

Закончив разговаривать по телефону, продолжил переодевание. Аккуратно повесил на вешалку белый халат и надел рубашку. Настроение после телефонного разговора заметно испортилось, раздражение нарастало. “Предупреждал же: в больницу не приходите... Что за люди!”. Он не любил заниматься своими личными делами на территории больницы, потому приход этой женщины его несколько беспокоил. Переодевшись, только хотел было закрыть шкафчик на ключ, как вновь зазвонил телефон. Продолжая стоять возле шкафчика и заранее раздражаясь от возможности форс-мажорных обстоятельств, приложил телефон к уху.

– Серёга? Слушаю. ... Что, прямо сейчас что ли? Я уже переоделся, до завтра нельзя отложить? ... Не психуй! Надо так надо. Сейчас зайду.

“Опять будет уговаривать – что-нибудь написать, а меня там, на улице женщина ждёт, которая мне очень даже нужна”, – ворча и шёпотом ругаясь, Николай всё же вновь открыл дверцу шкафчика и, достав с вешалки халат, надел его прямо на рубашку. На ходу застёгивая пуговицы, быстрым шагом пошёл на кафедру.

Настроение вконец ухудшилось. И совсем не хотелось встречаться с товарищем, упорно навязывавший ему научную деятельность, к которой его совсем не тянуло. Его товарищ, Сергей Воронцов, был кандидатом медицинских наук и работал старшим научным сотрудником на кафедре психиатрии, которая базировалась тут же, в одном из помещений больницы, в которой как раз и работал Николай.

Пойми, не моё это дело, не люблю я светиться, писать там чего-то, отвечать на вопросы, защищаться. Моё дело лечить. Я тебе данные поставляю, статейки изредка пишу – и достаточно. Больше ни во что меня не втягивай!

Он шёл и обдумывал слова, которые скажет, если Сергей вновь начнёт уговаривать взять тему для диссертации. Но Николаю ожидало совсем другое, когда он открыл дверь кабинета товарища и вошел.

Бледный, как простыня, Сергей лежал на кушетке, но, как только увидел Николая, сделал попытку быстро встать, но быстро не получилось, а лишь очень медленно, опираясь о стул. Выглядел Сергей весьма плохо: потухший взгляд, бледное лицо, капельки пота на лбу. Николай, протягивая руку для приветствия, с тревогой спросил.

– Привет, ты чего такой? Заболел, что ли?

– Да, – руки Сергей не подал, мало того, быстро натянул на рот повязку, что висела у него на шее. – Из Таиланда неделю как вернулся. Похоже, подцепил что-то. Я тебя по делу вызвал. Мне некогда, в больницу ложусь, – Сергей прошёл к столу и взял папку, которая там лежала. – Вот, здесь всё написано, – и он протянул папку Николаю. Тот взял её в руки, но открывать не стал, а продолжил встревожено смотреть на товарища, который тихим голосом говорил.

– Я должен был на днях лететь на симпозиум в Америку, но сам видишь, в каком я состоянии. Полетишь ты вместо меня.

– Ты что? С дуба рухнул?! – Николай во все глаза смотрел на Сергея.

– Мало того, ещё и выступишь. Не переживай, я же сказал: здесь всё написано. Придёшь домой, прочтёшь. Там всё понятно, к тому же ты в курсе всех моих наработок, и львиная доля в них – твоя заслуга.

– Не пори чушь!

– Все формальности улажены. Заявка на твоё участие дана. Забери папку, дома держи. Завтра с утра придёшь на кафедру, получишь нужные документы. Поездку тебе оплатят. На кафедре всё объяснят. Билеты на твоё имя уже куплены, гостиница забронирована. К тому же ты не один полетишь из нашего города. В общем, завтра всё узнаешь.

– Вот тебе и на! Без меня – меня женили, – расстроено проговорил Николай, но папку всё же покрепче прижал. – А что, до твоего выздоровления подождать – никак?

– Нет. Может, я вообще не выздоровею. Если умру – дело продолжишь.

– Ну уж нет! Ты чего, вообще со страху отупел? Твоё дело – сам и продолжишь. Запомни это. Куда, говоришь, на конференцию надо ехать?

– В Бостон.

– Хорошо. Америка. Чего не съездить – съезжу. Но чтобы к моему возвращению был здоров! Ясно? Я твоими делами заниматься не собираюсь. У меня и своих полно. Ясно?

– Да.

– Запомни, только с таким условием и еду. Когда выезжать-то?

– Через два дня. Ты, главное, хорошо подготовься. В моём почерке разберись.

– Не переживай. Пошли, я провожу тебя в больницу.

– Нет, нет. Я уже «скорую» вызвал. Меня ждут. До свидания.

Николай проводил друга и посадил его в «скорую», которая ждала на выходе. Попрощавшись, вернулся в больницу и прошёл в раздевалку, чтобы снять халат. Через некоторое время с папкой в руках, расстроенный болезнью друга и ошарашенный предстоящей поездкой, он наконец-то вышел из здания больницы. Выйдя, сразу же заметил хорошо одетую женщину. Они уже встречались раньше, и он её просил не приходить в больницу, но женщина его слушалась и сейчас нервно прохаживалась взад-вперёд чуть в сторонке от входа, но всё же у всех на виду.

Делая вид, что он её не замечает, и убыстряя шаг, Николай напрямик направился к выходу за территорию больницы. Но, конечно же, женщина его заметила, и до него стали доноситься её оклики.

– Николай Владимирович! Николай Владимирович, подождите!

Слыша это, но не сбавляя шага, Николай упорно продолжал двигаться к воротам.

Лишь оказавшись вне территории, резко сбавил шаг и позволил себя догнать.

– Николай Владимирович, что ж вы так бежите? – женщина наконец-то догнала его и, переводя дыхание, с осуждением посмотрела на врача.

– Елена Петровна, мы же с вами договаривались, что общаемся только по телефону, и в больницу вы не приходите.

– Я всё помню. Но уже завтра у Максима военно-психиатрическая экспертиза. Вы обещали справку, что у него была черепно-мозговая травма. Мы так переживаем, – на красивом лице женщины отобразилась жалостливая гримаса. – Я принесла деньги, как договаривались, – женщина протянула врачу конверт. Тот быстро взял его и сунул в карман.

– Всё как договаривались?

– Конечно! Обижаете.

– Не беспокойтесь, справку и выписку из истории болезни я давно подготовил. Но не здесь же мне вам её вручать. Я сам нахожусь в этой комиссии и сделаю всё, как надо. Не беспокойтесь. Ваш сын будет освобождён от призыва в армию на пять лет, а там видно будет.

– Как вы меня успокоили! Спасибо вам огромное! Мы его в институт засунем. Нам эти года вот как нужны были. Ещё раз – спасибо огромное!

– До свидания, – Николай не стал задерживаться и быстрым шагом пошёл к маршрутной остановке.

Лишь сидя в маршрутке, позволил себе немного расслабиться. Семьдесят тысяч, лежали в кармане и тепло грели душу, но, вместе с тем, несколько беспокоили. Взятка есть взятка, как не крути, и страх попасться всегда присутствует, хотя он не был новичком в этом деле. Благодаря своей красивой внешности – брутальный взгляд чёрных глаз, хорошая фигура, обаятельная улыбка позволили ему легко влиться в коллектив больницы. А благодаря своей исключительной предприимчивости, уже с первого года самостоятельной работы в больнице он начал дополнительно зарабатывать: на всякого рода справках, заключениях, общениях с родственниками больных. В результате жили они с матерью не бедно и спокойно.

По дороге домой зайдя в супермаркет, первым делом положил деньги на карточку, оставив себе лишь небольшую сумму. Купив кое-какие деликатесы, – он всегда так делал, когда получал дополнительные деньги, – Николай поехал домой.

Глава 6

Мать была ещё на работе. Поужинав, пролистав доклад, с которым ему предстояло выступить в Бостоне, решил съездить к своей нынешней подруге Ольге и сообщить ей об отъезде. Он давно искал возможность расстаться с ней, и поездка в Америку была для него спасательным кругом. Написав матери записку, что дежурит в больнице, прямиком отправился к Ольге.

Уже с порога, раздеваясь в прихожей, крикнул хозяйке, которая была на кухне.

– Оль, слышь, меня отправляют на полгода в Африку.

– Что? – девушка вышла в прихожую, вытирая руки о фартук.

– Завтра уезжаю в Африку на полгода.

Её глаза только что сияющие радостью, вдруг округлились и, как в мультике одна картинка сменяет другую, лучезарная радость сменилась ужасом вперемежку с отчаянием. Столь разительная перемена в настроении подруги слегка смутила Николая.

– Я пытался отказаться, но они и слушать не хотят, – Николай нежно обнял девушку и поцеловал.

– Ну почему именно ты? – в глазах Оли стояли слёзы.

– Не плачь, родная! Такова судьба. Что у нас сегодня на ужин? Я пошёл мыть руки.

За столом разговор об отъезде продолжили.

– Когда уезжаешь?

– Практически завтра. Днём буду бегать, как сумасшедший, по всякого рода инстанциям.

Сама понимаешь: необходимо кучу бумаг оформить.

– А почему на такой длительный срок?

– Ну, сама подумай! – Николай отвечал с полным ртом. – В такую даль, к чёрту на кулички – и на два дня. Стоило ли затевать возню?

– В воскресенье приезжает моя мама, я хотела тебя с ней познакомиться, – голос Оли был жалостливым.

– Оленька, милая, ты же сама знаешь, что это невозможно.

– Да, я помню, что ты против женитьбы... Но нам так хорошо было вместе! Ведь правда? – девушка с надеждой смотрела в глаза Николаю.

– Ну, конечно, родная. Мне с тобой было очень хорошо. Сегодня жаркое у тебя просто изумительное. Оленька, ты – прелесть, – Николай взял девушку за руку и поцеловал её.

Эта ночь была их последней. Пылкие объятия, тела, слившиеся в порывах страсти не знающей стыда, горячие поцелуи, кажущиеся вечностью... А рано утром Николай собрался и потихонечку ушёл, стараясь не разбудить спящую, как казалось ему, Ольгу. Но девушка не спала. Глазами, полными слёз, она проводила теперь уже бывшего возлюбленного и, понимая, что он потерян для неё навсегда, тихо прошептала: “Будь счастлив, любимый!”

А Николай тем временем не спеша шёл к своей маршрутной остановке, чтобы поехать на работу. Город только-только просыпался. Начинали ходить трамваи, троллейбусы, всё больше людей спешили по своим делам. На душе у Николая было спокойно и радостно от возможности бесплатно побывать в Америке. Расставание с Ольгой нисколько не испортило настроения.

Ни одну девушку, с которой он встречался, ему не приходилось добиваться. Он держался с ними до цинизма честно, напрямую говоря, что жениться не собирается. Столь откровенная его бесхитрость не отталкивала прекрасную половину человечества, а наоборот: они сами предлагали себя, готовые на любые отношения. Ни к одной из них он не привязывался и поскорее оставлял их, как только они заговаривали о свадьбе. Подобное случилось и с Олей. Она стала строить планы совместной жизни, мечтала познакомить его с мамой, что только ускорило разрыв. То ли девушки попадались ему достаточно легкомысленные, то ли он в отношениях был добр с ними, но обид никто не держал, и расставания были лёгкими.

Сегодняшний день Николая вымотал основательно. Во-первых, было много вновь поступивших больных, в историях которых надо было разобраться и назначить лечение, во-вторых... было самым неприятным. Поход на кафедру и разговор с её заведующим, профессором, который прочитал ему на целых двадцать минут лекцию, о том, что он безвозвратно губит свой исследовательский талант, или что-то в этом роде. Затем целый час Николай носился со всякого рода бумажками, оформляя свою поездку на конференцию. Одним словом, домой вернулся в семь вечера, уставший и злой. Дверь по привычке открыл своим ключом, хотя знал, что мать дома, и может её напугать. В таких случаях он уже из прихожей сообщал ей, что пришёл. Но сегодня, не успев войти, услышал молодой женский голос, доносящийся из кухни, и понял, что мать не одна. Не сообщая о своём возвращении, надеялся тихонечко прошмыгнуть в свою комнату и завалиться спать, но не успел разуться, как перед ним появилась мама.

– Вот тебе на! – мать всплеснула руками от неожиданности. – Ты чего, Коленька, прячешься и не говоришь, что вернулся?

– Мам, я только что вошёл, – Николай позволил матери обнять себя.

– Мой руки, сынок, будем ужинать, – заметив недовольный взгляд сына, который скрестил кисти рук, показывая, что ужинать не будет и очень устал, мать демонстративно громко добавила.

– Никаких «нет», сынок. У нас гостя. Проходи на кухню, мы тебя там ждём, – и, даже не посмотрев на сына, чтобы не дать себя уговорить, быстро ушла на кухню.

Николаю ничего не оставалось делать, как помыв руки последовать за матерью. Надо сказать, кухня у них была большая и хорошо совмещала рабочую часть со столовой, которую обозначал большой круглый стол. За ним уже сидела гостя – молодая высокая девушка. Как сказал бы Николай – с безликим лицом. Этот термин он придумал сам и употреблял его, характеризуя ничем не примечательные женские лица, которые встретишь – и не заметишь. Даже если столкнёшься – нос к носу, – то и не вспомнишь потом, каким оно было. Мать хлопотала у плиты.

– Здравствуйте, – Николай вежливо поздоровался, озаряя лицо дежурной улыбкой.

В отношениях с девушками он умел делать это мастерски, сразу представляя достоинства своего красивого лица, а их было у него несколько.

Первое, конечно, больше годилось для молодого, здорового коня, но Николай так не считал и белоснежный ряд ровненьких зубов показывал в первую очередь. А дальше уже шла мистика. Как ему это удавалось – не знал никто, но его глаза при улыбке, зажигались огнём страсти. Ко всему прочему прилагался пристальный взгляд с долей восхищения. И всё. Он победитель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.